

Лекарство от потери памяти

Гастроли японского театра Но

Сцена из спектакля "Бэнкэй на корабле"

"И память вас покинет" – эти слова произносит призрак воина Тайрано Томомори, явившийся из волн представителю победившего клана Есицунэ посреди переправы через залив. Проклиная победителей, призрак обещает им много бед, самая страшная из которых – исчезновение памяти.

Пьеса репертуара театра Но "Бэнкэй на корабле", в которой рассказывает об этом событии, заканчивается вполне счастливо, Есицунэ взмахивает мечом, его ближайший и верный слуга Бэнкэй перебирает четки, читая молитвы, и призрак исчезает, волны и ветер стихают, наступает рассвет. Артисты театра Но, словно в замедленной съемке, покидают подмостки, за ними уходят хор и музыканты. Действие завершено. Но продолжает сквозь аплодисменты зрителей звучать и звучать в памяти фраза: "И память вас покинет..." Какое страшное проклятие!

По инициативе Театра Наций гастроли театра Но проходили в Москве два дня. Зрители познакомились не только с двумя полноценными пьесами ("Сумидагава" и "Бэнкэй на корабле"), но и с музыкальными фрагментами, танцами из разных постановок, а также с двумя средневековыми фарсами ("Хакама на двоих" и "Два дайме"), которые в театре Но традиционно исполняются между основными сюжетами.

Так уж сложилось, что в России лучше знают театр Кабуки – более молодое, несравненно более демократичное искусство, родившееся на несколько веков позже Но с развлекательно-поучительными целями и в основном пользующееся сюжетами театра Но в слегка адаптированном виде. В разные годы труппы Кабуки приезжали в Москву (в последний раз – на Международном Чеховский фестиваль летом 2003 года), демонстрируя свое высочайшее искусство. Но – для нас гости

более редкий, поэтому грех было бы не воспользоваться возможностью побеседовать с господином Сакаи Отосигэ, выдающимся артистом, управляющим директором Ассоциации театра Но, обладателем почетного в Японии звания "Национальное достоинство в сфере материальной культуры". Подлинным наслаждением было видеть Сакаи Отосигэ на сцене. В пьесе "Сумидагава" он исполнил главную роль – обезумевшей от горя матери, отравившейся на поиски похищенного сына и нашедшей его могилу на берегу реки под ивой. А во второй вечер Сакаи Отосигэ продемонстрировал высочайшее искусство в танце "Номори" ("Страж поля"), где выстроенный ритм действия и внешняя беспристрастность, лицо персонажа, скрытое маской, ровность интонации – все это признаки великого искусства, которое веками олицетворяло аристократический дух страны, кодекс чести, достоинства,

"Но – это театр символов, а значит, в каком-то смысле театр для хорошо образованных людей, – говорит Сакаи Отосигэ. – И, конечно,

С.Отосигэ

он предназначен был с самого момента своего возникновения для избранных кругов, которые знали наизусть литературные шедевры "Исс-моногатари", "Повесть о доме Тайра", "Гэндзи-моногатари", из которых черпались сюжеты, и по первым строкам могли догадываться, откуда это взято. "Сумидагава" – один из известнейших сюжетов "Исс-моногатари", старейшая пьеса в репертуаре Но, позже приспособленная для Кабуки (два с лишним десятилетия назад ее показывал в Москве уникальный артист Кабуки Утаэмон. – Н.С.), и, кстати, это – единственная пьеса в репертуаре театра Но, которая заканчивается трагически. В остальных конце обязательно счастливый"

Российским зрителям, привыкшим к открытым проявлениям эмоций, к торопливым интонациям, искусству театра Но может показаться монотонным и от реальной жизни совершенно изолированным. Это совсем не так: отточенность каждого жеста, четкие паузы между музыкальными фрагментами с ритмичным вскриком "е-у-у-и!", замедленные движения, точно выстроенный ритм действия и внешняя беспристрастность, лицо персонажа, скрытое маской, ровность интонации – все это признаки великого искусства, которое веками олицетворяло аристократический дух страны, кодекс чести, достоинства,

правил поведения. Сегодня мы различаем те элементы, что остались в искусстве Но от буддийских ритуалов, от правил придворного театра, только важно понимать, что это отнюдь не застывшая история, а живое искусство, отличающееся от европейского самим образом восприятия. По словам Сакаи Отосигэ, в сегодняшней Японии среди молодежи много поклонников театра: "Современные японцы делятся на две группы – горячие поклонники Но и те, кто считает, что это слишком сложное искусство. В том числе и молодежь, она входит в обе группы. Театр развился как придворный театр, являющийся символом страны, каждый правитель имел свою труппу и главного актера. Это искусство привилегированных классов, и наследование из поколения в поколение шло как у актеров, так и у зрителей. Искусство Но до революции Мэйдзи (1869 год. – Н.С.) находилось под высочайшим покровительством, а требования к артистам были особенно высокими. Самурайские кланы, борющиеся за власть, нередко выходили на подмостки театра Но и как актеры общались со зрителями, добываясь поддержки. Однако они всегда помнили о своей чести и бережно относились к оппонентам. Надо заметить, что в те времена и к правителям были другие требования: считалось, что правителем не может быть человек, не получивший глубокого образования и воспитания. Чайная церемония рождалась как некий акт – люди входили в чайный домик и становились равны друг другу, они не могли допустить грубости или бестактности. Мечи оставляли у входа. Поэтому в Японии так важны ритуалы. В чайном домике не только пили чай, но и вели беседу, а поддерживать ее можно было лишь при наличии соответствующего образования. Люди, которые не могут оценить изысканности тонких чувств, скрытых под бесстрастной маской, считаются не нужными театру Но зрителями. Я говорю не только о давно прошедших временах, но и о дне сегодняшнем..."

Не знаю, насколько мы соответствуем требованиям, столь важным для театра Но. Может быть, поэтому труппа не ограничилась тради-

ционными пьесами, а показала в России еще и два фарса, один из которых – "Хакама на двоих" – проходил под несмолкающий хохот зрительного зала. Действительно, сюжет до примитивности прост: отец уговаривает своего глупого сына отправиться к тестю в гости, обещая за это недорослю все, чего душа его пожелает: куколку, щеночка. И даже сам его туда сопровождает. Но поскольку отец не предполагал, что и его пригласят зайти в дом и выпить чарочку саке, он не надел хакама (парадные длинные штаны), и вот они с сыном вынуждены переодеваться во дворе и по очереди входить в дом. Тесть не понимает, что происходит, начинает недоумевать, и тогда отец и сын, пытаясь отнять друг у друга хакама, просто разрывают штаны пополам. Теперь каждый из них выглядит, словно в фартуке – главное, не повернуться к тестю задом.

Грубоватый и очень смешной фарс, разыгранный четверьмя Ямамото: Тодзиро, Норитоси, Наритака и Ясутаро (они же играли на следующий день фарс "Два дайме", менее смешной и острый), – покорила московских зрителей и продемонстрировала, что театру Но свойственна не одна только изысканность.

Этот театр называют визитной карточкой Страны восходящего солнца – очень точное название, может быть, столь же символическое, как и искусство Но. За шесть столетий его существования не ушли в прошлое ни сюжеты, ни характеры. Трепетно и любовно сохраненная память о далеком прошлом позволяет театру и сегодня быть нужным и важным для своих зрителей.

"Я очень люблю Россию, хотя не могу сказать, что хорошо знаю русскую культуру, – говорит Сакаи Отосигэ. – Еще учеником средней школы я читал много русской классики: Достоевского, Толстого, но больше всего люблю Тургенев. Его произведения основаны на человеческих чувствах, поэтому они очень близки театру Но. Уверен, что Россия, которая дала миру Тургенев, по достоинству оценит театр Но."

Наталья СТАРОСЕЛЬСКАЯ